

Яков Бутков

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ,  
или ПУТЕШЕСТВИЯ  
НЕСТОРА ЗАЛЕТАЕВА

Москва  
RUGRAM  
2021

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
Б93

**Бутков Я.**

Б93 Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева / Я. Бутков. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 134 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72640-5

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Якова Буткова «Невский проспект, или Путешествия Нестора Залетаева».

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
BIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72640-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021  
© Т8 Издательские технологии, 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

---

|                                           |     |
|-------------------------------------------|-----|
| I. Карета.....                            | 5   |
| II. Первый выезд.....                     | 15  |
| III. Человека.....                        | 23  |
| IV. Приключения фиолетового человека..... | 32  |
| V. Путешествие по Невскому проспекту..... | 53  |
| VI. Визиты.....                           | 71  |
| VII. Слухи и толки.....                   | 84  |
| VIII. Мещанин Отвагин.....                | 99  |
| IX. Конец путешествиям!.....              | 121 |
| X. Господин Витушкин.....                 | 125 |



## I. КАРЕТА

---

С глубоким смирением вступил Залетаев в залу дворянского собрания. Он даже оробел, съежился и отчасти поглупел, очутившись в первый раз на своем веку в таком знатном и благополучном месте. Бросив вокруг себя торопливый взгляд, он не мог открыть ни одного темного уголка, в котором прилично бы ему было поместить интересные особенности своей фигуры; синий фрак с беспощадно сияющими пуговицами, черные перчатки, восстановленные с большим искусством, шляпенку весьма преклонных лет и прочие предметы, бесспорно имеющие неоценимое достоинство в археологическом отношении.

Умаяясь и исчезая пред лицами, наполнявшими залу, он едва осмелился вмешаться в толпу, когда услышал возле себя знакомый голос и неожиданно столкнулся с знакомым лицом.

— А! И вы здесь, Залетаев? — произнес толстый и почтенный господин, посмотрев на него с изумлением.

— Я, Павел Александрович, на минуточку, по собственной надобности, — отвечал Залетаев в совершенном смущении.

Толстый и почтенный господин отвернулся и исчез, оставив Залетаева на жертву угрызениям совести.

---

«Ну, что же в этом есть удивительного или подозрительного, что я тоже решился содействовать... успеху благодетельной лотереи?» — думал он, обводя благоговейным взглядом колоссальную залу и все, что сообщало ей жизнь, смысл и значение. Тут он снова присмирел и умалился перед недоступным величием окружавшей его действительности. Весело и свободно кипела вокруг него чуждая ему жизнь, и в шуме тысячи голосов слышался ему один сокрушительный вопрос: «И ты здесь, да зачем же ты здесь, Залетаев?»

«И понесло же меня! Нет, чтоб сидеть в своем углу да изыскивать другие средства!» — рассуждал он, предаваясь позднему раскаянию, что необдуманно потянулся туда же за другими.

Между тем разыгрывалась лотерея-аллегри. Роковые колеса фортуны были осаждаемы искателями счастья. Он сам, выдвинутый толпою, стоял тут же, у своенравного колеса, которое кружилось и дарило, кого хотело, сервизами, бронзою, экипажами, гамбсовскою мебелью и всякими вещами и вещицами... Только все это, очевидно, не для него было назначено, а ему бы, может быть, и хотелось иметь тоже какую-нибудь долю в существенных интересах, одушевляющих исключительное народонаселение залы дворянского собрания.

И вот, робея и строго держась в пределах своего звания, он возложил на алтарь фортуны свой кровный полтинник и спросил себе билетец, а получив билетец, кинулся с ним на простор, хотел в ту же минуту развернуть его и смело посмотреть, до какого, наконец, благополучия добился он после долгих хлопот, надежд и золотых мечтаний в уединенной каморке у Каменного моста; но едва он приступил к ис-

полнению такого естественного намерения — «сила души» ему изменила, билет задрожал в руке его, сердце забилося тоскливым предчувствием, и в ушах зазвенел насмешливый голос: «И ты здесь, Залетаев?»

«Серебряный сервиз... ну, положим, что серебряный сервиз мне вовсе не приличен... а что-нибудь?.. Неужели ничего?.. Вот то-то и есть, что ничего!» — рассуждал он, стараясь проникнуть в таинственную сущность своего билета и доходя до правдоподобного заключения, что, может быть, он и «ничего» не выиграл... Но как же это можно — ничего? На каком это основании? Разве он не расчел уже всего вперед, не предусмотрел всех обстоятельств, при которых именно должно последовать его обогащение?..

И должен он был с горестью сознаться, что действительно ничего не расчел вперед, и чувствовал он, что далеко забрался с своими надеждами и планами. Сильный и вовсе не своевременный припадок благоразумия начинал одолевать его. Уже ему казалось, что сам он будто бы напрашивается на чувствительные щелчки и всякие неудачи, потому что живет вне здоровой действительности, обратив свою темную каморку в сказочный мир, в котором властвует по прихотям своего необузданного воображения — выигрывает сервизы, поселяется на Невском проспекте и мстит обществу за то, что оно не знает о его существовании в каком-то чулане, а когда придется выиграть сервиз в действительности, так он и не выигрывает; когда придется стать лицом к лицу хоть с Павлом Александровичем, так он и пятится, и умаляется, и исчезает, и ничего благоразумно не может сделать, а только глупостей наделает, впадет в ребячество и малодушие, измучится в своей неразумной суетливости, убавит себе

доброго здоровья в соприкосновении с действительностью и, возвратясь домой, в свой темный уголок, растянется на железном ложе и учнет грезить, услаждать себя приятными видениями, распинать свое воображение, чтоб оно создало ему поскорее, сию же минуту, благополучную жизнь по самоновейшему сумасбродному проекту.

Изнемогая под бременем несвоевременного благоразумия, Залетаев готов был бросить свой билет и бежать подобру-поздорову в знакомый угол у Каменного моста, когда заметил, что около него вертится и юлит маленький человечек — весь на пружинах, точно живой, в замечательном фраке темно-коричневого цвета и не менее замечательных дополнениях к этому фундаментальному костюму; вообще он был одет и выбрит с такою благопристойностью и его подвижная, беспрерывно играющая и изменяющаяся физиономия выражала такое полное самоотрицание, что Залетаев сразу узнал в нем своего брата, даже младшего брата по человечеству.

— Осмелюсь вас спросить? — начал этот человечек, по-прежнему разыгрывая на своей физиономии разные приятные штучки и сгибаясь всею своею фигурою в глубочайшее почтение и совершенную преданность.

Залетаев, довольный, что встретил хоть одно существо, которое не может поразить его юпитеровским взглядом и как будто само отдается под его защиту и покровительство, стал вырастать в собственных глазах и почувствовал возвращение развязности и одушевления, сопутствовавших ему из каморки у Каменного моста и утраченных при входе в залу дворянского собрания.

— Что вам угодно? — спросил он с совершенною благо-склонностью.

— Я насчет вашего номерочка... Я и сам брал билетец, только мне ничего не выпало, так я и осмелился, из любопытства, спросить, какой у вас номерочек?..

— Номерочек?

Залетаев, ничего не понимая, смотрел на странного человека; потом вдруг спохватился и развернул свой билет.

— Так и есть — номерочек! Это я, осмелюсь вам доложить, чувствовал, что у вас должен быть номерочек! — воскликнул человек в восторге. Его физиономия и вся его фигура заиграла и задвигалась, точно как будто он сам был счастливым обладателем «номерочка».

Действительно, на билете, который развернул Залетаев, вместо доброжелательной надписи «Аллегри», была написана маленькая, но существенная цифра, обозначающая номер выигрыша...

— Какой он маленький! — продолжал человек, кружась около Залетаева... — Это — я его знаю: на маленькие номерочки выпадают большие выигрыши, а на большие номера маленькие выигрыши.

Все это говорил он с одушевлением, восторгом и смехом; но говорил и смеялся он так тихо, что один Залетаев мог его слышать. Вдруг он засуетился пуще прежнего, сунул руку в боковой карман своего темно-коричневого фрака, вынул печатную тетрадку и встряхнул ее легонько — из нее выкатился четвертак; четвертак он снова опустил в карман, а тетрадку развернул и, поднеся ее к глазам Залетаева, показал ему строки, написанные под тем самым номером, который был обозначен на его билете. Залетаев прочитал следующее:

«Карета на горизонтальных рессорах, работы мастера Иохима, ценою в тысячу двести рублей серебром».

Только что Залетаев взглянул в тетрадку, строки и буквы зарябили в глазах его. Бесчисленные лица, мелькавшие вокруг него, слились в одну волнующуюся массу; пол под ним закружился. «Карета» пронзительно зазвенела в ушах его — он задрожал, обомлел и, пошатнувшись, готов был непристойно растянуться на полу, если б человек во-время не поддержал его.

Когда Залетаев минуту спустя несколько опомнился и посмотрел вокруг себя с глупою, безобразною улыбкою, человек отступил от него шага на два и все вертелся у него перед глазами; но, заметив на воротнике его фрака маленькое постороннее пятнышко, поспешил уничтожить его и стал дуть на него усердно и заботливо, пока не удостоверился, что пятнышко было не постороннее, а, так сказать, родимое.

Потом он снова принялся за прежний маневр: отступал, приближался, переходил с места на другое, стараясь попасть на линию зрения Залетаева; попадал несколько раз, но Залетаев только шептал что-то про себя и улыбался; наконец он кашлянул решительно, сжался в глубочайшее почтение, приблизился к Залетаеву и произнес своим тихим голосом, с улыбкою и гримасами, которые беспрерывно изменяли лицо его:

— Осмелюсь вас спросить... вам угодно, может быть, посмотреть карету?

— А, а! — отвечал Залетаев утвердительно и, сильно покачнувшись всею своею фигурою, двинулся вперед.